

ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АВТОРСКОЙ СТРАТЕГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО УБЕЖДЕНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье предлагаются результаты исследования прагматических особенностей научного текста в актуальной для современной лингвистики дискурсивной проекции. Психологическое убеждение рассматривается как одна из авторских стратегий познавательно-коммуникативной деятельности в научном дискурсе. Устанавливаются языковые способы ее реализации в немецком филологическом тексте: общепринятые риторические приемы научного изложения и индивидуально-авторские средства языковой выразительности.

N. Pelevina

AUTHOR'S PERSUASIVE STRATEGY AND ITS REALISATION IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE

The article presents the results of the pragmatic research of scientific texts in the discourse projection, which is important for modern linguistics. The persuasive strategy is regarded as one of an author's strategies of cognitive-communicative activity in the scientific discourse. Language means realising this strategy in German philological texts are considered. Rhetoric means typical of the scientific discourse and an author's individual means of language expressiveness are described.

В текстообразовательной модели научного дискурса отражаются познавательный и коммуникативный аспекты творческой деятельности ученого. Авторские стратегии, результатом реализации которых является научный текст (НТ), можно объединить в два типа: 1) когнитивно-познавательные стратегии, направленные на представление в тексте концептуальной картины мира автора, сложившейся в результате

его взаимодействий с объектом познания и семиотическим пространством культуры; 2) коммуникативно-прагматические стратегии, направленные на формирование в тексте рецептивной программы, позволяющей автору воздействовать на читателя, управляя процессом его восприятия.

Несмотря на доминирование в научном дискурсе рационально-логических способов реализации коммуникативно-прагма-

тических стратегий, к которым относятся авторские рациональные оценки и логическая аргументация, в нем всегда учитывается психологическая составляющая рецептивного воздействия. Психологическое убеждение, известное с античных времен как убеждение красноречием, планируется создателем НТ и требует от него владения навыками ораторского искусства. В задачи этой статьи входит установление общепринятых в научном дискурсе риторических приемов передачи информации и индивидуальных средств языковой выразительности, реализующих в тексте стратегию психологического убеждения и способствующих формированию у читателя представления о создавшем его авторе.

В широком смысле риторика определяется как «система разнообразных элементов, в своей целостности ведущих к убедительности речевого взаимодействия» [4, с. 25]. Научная риторика, рассматриваемая под таким углом зрения, охватывает не только все способы управления восприятием и интерпретационными действиями читателя, но и средства реализации когниоцентрических стратегий, поскольку онтологическое содержание знания, оформленного для передачи в НТ, всегда приобретает коммуникативную направленность, обеспечивая убеждение через информирование. Все способы представления авторской концепции познаваемого объекта, включая ее связи с предшествующим знанием, методологию и этапы научно-исследовательского процесса, эксплицируют результаты субъектно-объектного взаимодействия, но одновременно ориентированы и на их адекватное понимание читателем.

В узком смысле риторика придает выражаемой автором мысли «импульс ответственности» [3, с. 173], являясь механизмом реализации стратегии психологического убеждения в НТ. Она направлена на актуализацию психологической составляющей творческой деятельности автора и читателя, эмоциональной сферы их созна-

ния. В познавательном отношении средства языковой выразительности занимают периферийное положение в НТ, представляя собой «диалектическое единство информативности и избыточности» [7, с. 78], но имеют важное прагматическое значение. Оживляя логизированное научное изложение, они облегчают читателю восприятие авторской мысли и поддерживают его интерес к содержанию НТ.

К общепринятым способам реализации стратегии психологического убеждения в научной речи относятся языковые средства выражения авторской модальности уверенности и сомнения, а также риторические приемы идентификации, противопоставления и синонимизации.

Для идентификации себя с читателем или всем научным сообществом автор использует обобщенные и неопределенные формы личной индексации текстового субъекта. Прием противопоставления служит акцентированию дистантной позиции авторского «я» по отношению к содержанию чужих высказываний, мнений и оценок. Он помогает убедить читателя поддерживать критические замечания автора и разделить его точку зрения в рассматриваемом дискуссионном вопросе. Поскольку автор идентифицирует свое мнение как противоположное другим, этот прием называют также «отрицательной идентификацией» [2, с. 143]. При противопоставлении всегда используются либо определенные формы личного дейксиса субъекта авторской речи, либо эксплицированный модус авторского мнения, вводящий его в полемический контекст: *Diese Bedingungen gelten aber nicht. Meiner Ansicht nach sind sprachliche Merkmale <...> niemals individuell* (RS, S. 252).

В приведенном примере авторская оппозиция иносуъектному мнению базируется на противительном отношении. В некатегоричном противопоставлении противительная связь ослабляется путем эксплицирования отношения уступительности, подчеркивающего объективность авторского подхода к обсуждаемой проблеме.

Вводя модусом сомнения оппозиционные суждения, автор побуждает читателя также усомниться в их истинности и принять его точку зрения: *Trotz der auch von anderen Autoren vertretenen Auffassung, dass diese Konzentration zur Schwächung der akzentlosen Silben <...> führt (Silbenkompression im Sinne von Kohler), ist es aber offenbar fraglich, ob eine solche Akzeleration in allen solchen Silben zu beobachten ist* (ZfAL 2000, S. 14). Полемический способ организации научного изложения, предполагающий противопоставление мнений автора и его оппонентов, придает ему живость и экспрессивность, являясь эффективным средством акцентирования авторской позиции и ее прагматического воздействия.

Широкое использование риторического приема синонимизации объясняется необходимостью соответствия создаваемого в научном дискурсе текста требованиям речевой культуры. С одной стороны, стремление к однозначности в презентации научного знания ограничивает возможности автора в употреблении синонимов, но, с другой стороны, повторение одних и тех же слов при изложении материала исследования негативно сказывается на стилевом оформлении текста, что существенно затрудняет его восприятие. Для НТ характерны идеографические (смысловые) синонимы, не имеющие коннотативного значения, которые выполняют две основные функции — замещающую и поясняющую.

В функции замещения на всем пространстве НТ используются: 1) терминологические синонимы ключевых слов при обозначении основных, исходных и уточняющих понятий: *deutsche Plurizentrität — deutsche Standardvarietät; Lautsprache — gesprochene Sprache; starke Silben — akzentuierte Silben, schwache Silben — nichtakzentuierte Silben*; 2) интернациональные синонимы: *Resultate — Ergebnisse; Rezipient — Leser; Interferenz — Einfluss*; 3) синонимы оценочных слов: *relevant — wichtig; evident — offensichtlich — offenbar*; 4) синонимы глаголов с семантикой акцентирования: *betonen — unterstreichen —*

hervorheben; 5) синонимы из общеупотребительной нейтрально-стилевой лексики: *rechnen zu (D.) — zählen zu (D.); Verwendung — Benutzung — Gebrauch; vorkommen — auftauchen*.

В функции пояснения лексический синоним употребляется контактно с поясняемым словом, эксплицируя акт автоинтерпретации. В структурном отношении она представляет собой двучленную конструкцию, образованную на основе аппозитивной связи между антецедентом и интерпретантой [1, с. 12–13]. Для их выражения обычно используются терминологические синонимы или синонимы, принятые в научном обиходе, поэтому семантический объем обозначаемого понятия сохраняется в «левой» и «правой» частях высказывания: *zur jeweiligen Textsorte, d.h. zum Genre ...* (ZfAL 04, S. 24); *die Beschäftigung mit dem Material, d.h. den Analysetexten...* (М, S. 100).

В риторических целях широко применяется также прием «синонимизации контекстом» [5, с. 197], который состоит в использовании кореферентных номинаций, приобретающих синонимическое значение в контексте конкретной научной работы. Воздействие приема синонимизации проявляется в побуждении адресата к соотношению синонимов с их референтом, активизирующему механизмы понимания. Употребление синонимов способствует снятию монотонности научного изложения, облегчая его восприятие, и предоставляет читателю возможность осмысления рассматриваемых в НТ понятий без опоры на логику.

Следует также обратить внимание на прием варьирования видов чужой речи, который вносит разнообразие в субъектно-речевое структурирование НТ, способствуя улучшению его восприятия. Он используется автором в реферативном обзоре или при передаче содержания одного из источников информации: *Bei Lux (1981) ist jedoch die theoretische Voraussetzung dafür geschaffen: <...> er unterscheidet zwischen «Handlungstyp» und Textsorte (159)*. [фрагментарная передача

ча чужой речи] <...> Auf S. 224 heißt es: «Eine Textsorte kann in aller Regel in verschiedenen Handlungstypen verwendet werden.» [прямая передача чужой речи] Lux betont (222), dass es auch bei der Relation Handlungstyp und darin verwendbare Textsorte zu Regelverletzungen kommen kann. [косвенная передача чужой речи] (BS, S. 135).

Другие риторические средства реализации стратегии психологического убеждения являются для НТ факультативными, индивидуально-авторскими. Они характеризуют дискурсивную личность ученого, способного «придавать конкретным, логическим, собственно научным сведениям форму особого рода словесного творчества» [6, с. 12]. Рецепттивная программа созданного таким ученым научного произведения направлена не только на то, чтобы информировать и убедить, но и «впечатлеть» читателя. Являясь следствием намеренной установки автора на неординарность стиля, индивидуально-авторские способы воздействия повышают его эффективность, так как читатель лучше запоминает полученную информацию, надолго сохраняет в памяти авторские оценки и суждения, связанные с конкретной научной проблемой.

Прежде всего обращает на себя внимание возможность возбудить интерес к прочтению НТ с помощью оригинальных заглавий, которые допускаются в жанре научной статьи. Наблюдения показывают, что авторы статей гуманитарного профиля с целью привлечения внимания используют в заглавиях: 1) цитаты из текстового материала исследования: A. Näf, D. Pfander. <Springing of> a <bruck> with an elastic <sail>. Deutsches im Englisch von französischsprachigen Schülern (ZfAL 01, S. 5); 2) афоризмы: J. Schröter. Der König ist tot, es lebe der König. Zum Phantasma eines technologischen Subjekts der Geschichte (RF, S. 13); 3) реалии массовой культуры: L. Volkmann. Madonna und postmoderne Identitätskonstruktionen. Die Warenlogik der Unterhaltungsindustrie (RF, S. 81); 4) вопросительную форму предложе-

ния: L. Hoffmann. Wie verständlich können Gesetze sein? (RS, S. 122)

Примеры показывают, что нестандартно сформулированные заглавия, как правило, снабжаются стандартными подзаголовками. Поэтому заглавный комплекс в целом выполняет функцию тематического информирования, соответствующую требованиям научной коммуникации, и в то же время способен так заинтриговать читателя, что он не оставит данную статью без внимания и обязательно познакомится с ее содержанием.

На привлечение внимания читателя часто бывают направлены и заглавия сборников научных статей. Например, в названиях научных сборников, представленных в материале нашего исследования, прагматический эффект достигается в результате применения различных типов повтора: повтора основного компонента участвующих в формулировании заглавия композитов («Rechtskultur als Sprachkultur») и параллельного перекрестного повтора — хиазма («Reale Fiktionen, fiktive Realitäten: Medien, Diskurse, Texte»).

Чтобы удержать внимание читателя, автор НТ может уподобляться оратору, реализующему стратегию психологического убеждения на основе риторических периодов, построенных на анафоре, сквозном лексическом повторе и синтаксическом параллелизме. Так, сочетание анафорического повтора с синтаксическим параллелизмом выступает ведущим приемом выделения основных теоретических положений в статьях Б. Секульски (FAL, S. 155–184) и Г. Штёкля (ZfAL 04, S. 5–48), посвященных соответственно языковым стереотипам и лингвистическому аспекту изучения типографических знаков. Эти положения занимают несколько следующих друг за другом абзацев, каждый из которых начинается термином основного понятия названных исследований (stereotype Bilder и Typographie) в структуре однотипных синтаксических конструкций. Прием риторической периодизации достигается здесь

системное упорядочение концептуально значимой информации и акцентирование внимания читателя на отдельных аспектах ее содержания.

Индивидуально-авторским является и включение в НТ языковых средств обозначения и выражения эмоций, а также иностилевых элементов, основным источником которых служит разговорная и художественная речь.

Если особенности разговорного синтаксиса достаточно широко используются при конструировании контактного диалога внутритекстовых коммуникантов в целях рецептивного управления, то разговорная лексика проникает в НТ более ограниченно. На фоне нейтрально-стилевой и терминированной лексики, доминирующей в «интеллектуальном» стиле научного изложения [6, с. 13], обращают на себя внимание фразеологические единицы и речевые обороты разговорного характера, например: *dann und dort, ein für allemal, das Wort in den Mund nehmen* (ZfS, H.1, S. 33–39); *gottseidank* (ZfK, S. 746); *die Nase rümpfen, von früh bis spät* (TdG, S. 15–17).

Опираясь на интертекстуальную компетенцию в литературно-художественной области, автор НТ может удачно использовать в прагматических целях цитаты из художественных произведений. Так, Г. Вайдагер эпиграфом к своей статье «Der gefrorene Text. Zur Rolle der Textoberfläche als Grenze der Interpretation» берет строки из романа У. Эко «Баудолино», метафорически выражающие идею безграничного множества текстовых интерпретаций. Эта идея непосредственно связана с концептуально-тематическим содержанием статьи, в которой автор рассматривает заложенные в тексте средства рецептивного управления, устанавливающие пределы его произвольному толкованию, обеспечивая тем самым возможность коммуникативного взаимодействия: «*Das ist nicht schlecht*», *sagte Rabbi Solomon*. «*Es ent- und verhüllt zugleich. Es öffnet den Weg zum Strudel der Interpretation*» (Eco 2001, 164) (ZfAL 04, S. 49).

Художественный эпиграф объединен с текстом статьи не только смысловой, но и структурно-семантической связью: инициальный абзац, представляющий авторское понимание цитируемого высказывания литературного героя, содержит дословный и вариативный повторы его ключевых слов, сохраняющие метафоричность создаваемого ими образа: *Dass Rabbi Solomon sich an dieser Stelle aus Umberto Ecos Roman “Baudolino” von der Auslösung eines «Strudels der Interpretation» angetan zeigt, liegt wohl daran, dass er, Baudolino und andere gerade dabei sind einen Brief des mythischen Priesterkönigs Johannes zu fälschen. <...> Von unseren alltäglichen kommunikativen Erfahrungen ausgehend können wir feststellen, dass wir <...> von interpretativen Strudeln erfasst werden und in ihnen versinken. Es muss also – um im Bild zu bleiben – etwas geben, woran sich Kommunizierende festhalten können bzw. das es ihnen ermöglicht, den Strudel einzubremsen* (ZfAL 04, S. 49–50).

Эмотивно-образную метафору можно также рассматривать в качестве иностилевого элемента, обусловленного влиянием художественной речи. Использование метафоры связано в этом случае не с гносеологической необходимостью обозначения новых понятий, как в случае с концептуальной метафорой, а со стремлением автора к наглядно-образному представлению своей мысли для психологического убеждения читателя.

Эмотивно-образная метафора позволяет передать авторскую оценочную позицию с помощью наглядных аналогий между хорошо известными сущностями, входящими в общую семантическую память создателя НТ и его реципиента. Она фиксирует взаимодействие различных понятийных структур в сознании автора, отражая его взгляд на предмет рассмотрения путем уподобления этого предмета объекту из совершенно другой родо-видовой категории в результате их фигурального сравнения. Так, понятие большого количественного объема уподобляется потоку, а общность по-

ложения ряда лиц в определенной ситуации — нахождению в одной лодке: *Gemeinsam versuchte man, der Flut von Anfragen zu begegnen.* (ZfS, H.2, S. 285); *In dieser Angelegenheit sitzen wir Linguisten natürlich alle in einem Boot* (ZfK, S. 735). В следующих примерах метафорически выраженная оценка сложности объекта исследования ассоциируется у автора с твердым орешком, а его оценка глобальности установленных различий и возможности их преодоления — с возведением мостов над глубокой пропастью: *Die harte Nuss der semantischen Beschreibung von Partikeln ist, dass sie eher global etwas signalisieren* (ZfK, S. 739); *Zwischen dem Faszinosum des Wunsches und seiner Realisierung scheint sich eine tiefe Kluft aufzutun. Es ist das Anliegen der folgenden Ausführungen, davon zu berichten, welche Hilfskonstruktionen erfunden wurden, um diese Kluft zu überbrücken* (ZfS, H. 2, S. 282).

Для иллюстрации своего отношения к рассматриваемому явлению автор НТ может использовать не только общеизвестные метафоры, но и образные выражения своих предшественников: *Also hier gilt Michel Butors Satz, dass die Science Fiction zwar alle Türen aufgestoßen habe, aber doch nur einmal ums Haus herumgegangen sei* (A, S. 89); *In Abwandlung eines Diktums von Wittgenstein könnte man sagen: Auch juristische Probleme entstehen, wenn die Sprache feiert* (RS, S. 39).

Приведенные примеры показывают, что метафоры оценочно-прагматического плана НТ преобразуют абстрактные понятия в наглядные образы, которые легко вообразить, зрительно представить. Эффект умозрительной наглядности метафорического значения, который достигается благодаря синестезии — психологического механизма визуализации информации, всегда вносит в научную речь элемент неожиданности и необычности, плодотворно воздействуя на восприятие НТ.

Кроме того, эмотивно-образные метафоры, органично вплетенные в языковую ткань НТ, дают представление об особенностях мышления автора и его дискурсив-

ных способностях, включающих умение использовать риторические средства в целях оптимизации рецептивного воздействия. Но даже блестяще владеющий риторическими приемами ученый не превратит НТ в произведение словесно-художественного творчества, где эмотивные средства языка служат выражению художественных смыслов, авторской идеи и одновременно реализации эмоционально-эстетического воздействия.

Рассмотрим участие языковых средств реализации коммуникативно-прагматической стратегии психологического убеждения в формировании представления об авторе на примере научных работ известного австрийского философа Л. Витгенштейна.

На контакт с читателем как представителем научного сообщества направлены предложения и рекомендации ученого, прямые обращения, использование приема идентификации в виде императивных структур 1-го лица мн. ч. в обобщающем значении. Призывая читателя к сомышлению, Л. Витгенштейн часто облекает свои рассуждения в вопросно-ответную форму, имитируя контактный диалог текстовых коммуникантов: *Aber haben wir denn eine Sicherheit, können wir uns nicht darin irren und des Irrtums historisch überführt werden? Gewiß, aber es bleibt dann doch immer etwas, dessen wir sicher sind* (W, S. 43). Воздействующей силой обладают также регулярно употребляемые в анализируемых текстах авторизованные конструкции с определенной формой личного дейксиса и категоричным глаголом *behaupten*, а также маркеры психологической убежденности автора в правильности своих оценок и мнений, в истинности своих выводов: *Das ist nach meiner Überzeugung aber eine bloße Spielerei mit Worten* (W, S. 21); *Ich behaupte, dass die Aussage, welche einer Eigenschaft einen Grad zuschreibt, nicht weiter analysiert werden kann* (W, S. 25).

Рецептивно отмеченными элементами в текстах Витгенштейна являются языковые единицы, выражающие не только рацио-

нальные оценки, но и авторские эмоции, возникающие по ходу решения поставленной задачи или критического анализа научных работ предшественников: *Komisch, dass wir im Alltag nie das Gefühl haben, wir müssten uns, indem wir uns der Umgangssprache bedienen, mit etwas abfinden* (W, S. 56). Наряду с нейтрально-стилевыми лексическими единицами авторскую эмоцию передает экспрессивный синтаксис, оказывающий воздействие и на эмоциональную сферу сознания реципиента: *Welche Enge des seelischen Lebens bei Frazer! Daher: Welche Unmöglichkeit, ein anderes Leben zu begreifen, als das englische seiner Zeit!* (W, S. 33).

Большим воздействующим потенциалом обладают индивидуальные метафоры Витгенштейна, призванные вызвать у читателя яркие и необходимые автору ассоциации. Они не только придают выразительность рассуждениям ученого, но и углубляют понимание их логико-предметного содержания: *Ich muss immer wieder im Wasser des Zweifels untertauchen*. (W, S. 29); *Wir müssen die ganze Sprache durchpflügen*. (W, S. 36); *In der Philosophie feiert die Sprache* (W, S. 138).

Для наглядного представления своих тезисов Витгенштейн широко использует прием аналогии, позволяющий дать объяснение абстрактным понятиям очевидным для читателя путем установления их связи с конкретными представлениями. Наглядный образ вызывается в рассматриваемых текстах описанием гипотетической ситуации как исходной точки для рассуждения, приводящего к нужному автору заключению: *Ein Wunder ist offenbar nichts weiter als ein Ereignis, dergleichen wir noch nie erlebt haben. <...> Setzen wir den Fall, einem von Ihnen wachse plötzlich ein Löwenkopf und er begänne zu brüllen. Etwas Ungewöhnlicheres*

kann ich mir kaum ausmalen. Sobald wir uns von unserer Überraschung erholt haben, würde ich vorschlagen, einen Mediziner zu holen und den Fall wissenschaftlich zu untersuchen. <...> Und was wäre dann aus dem Wunder geworden? Sobald wir die Sache in dieser Weise betrachten, ist alles Wunderbare offenbar verschwunden, es sei denn, wir verstehen unter einem Wunder nichts weiter als eine Tatsache, die noch nicht wissenschaftlich erklärt ist (W, S. 17).

Связи текста с образами внешнего мира, стоящими за метафорами, сравнениями, аналогиями, а также с ассоциациями, которые они вызывают в сознании читателя, определяют индивидуальный стиль научных произведений Витгенштейна. Даже краткий анализ его научных текстов с точки зрения реализации в них коммуникативно-прагматической стратегии психологического убеждения позволяет сформировать представление об авторе как о талантливом ученом с ярко выраженным индивидуальным стилем мышления, блестяще владеющим приемами научной риторики. В этом видится одна из причин того, что его мысли и идеи до сих пор дают повод для научных дискуссий.

В заключение отметим, что все рассмотренные в статье риторические приемы и средства языковой выразительности, реализующие коммуникативно-прагматические стратегии в научном дискурсе, направлены на убеждение читателя в правомерности авторских оценочных позиций и выводов. Информативная эффективность НТ, обеспечивающая его реальный вклад в дисциплинарное знание, во многом зависит от того, как выполнит автор свою чисто коммуникативную задачу — убедить читателя принять и поддержать его научную концепцию, включив ее в свою систему знаний.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- A – Akzente. Zeitschrift für Literatur. – München, 1974.
 BS – Sandig, Barbara. Stilistik der deutschen Sprache. – Berlin; New York, 1986.
 FAL – Forum Angewandte Linguistik. Bd. 33. – Frankfurt a. M., 1998.
 M – Muttersprache. H. 2. – Wiesbaden, 2005.

RF – Reale Fiktionen, fiktive Realitäten: Medien, Diskurse, Texte. – Hamburg, 2000.

RS – Rechtskultur als Sprachkultur. – Frankfurt a. M., 1992.

TdG – Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen, 1994.

W – Wittgenstein, Ludwig. Vortrag über Ethik und andere kleine Schriften. – Frankfurt a. M., 1995.

ZfAL 2000 – Zeitschrift für Angewandte Linguistik. H. 32. – Frankfurt a. M., 2000.

ZfAL 01 – Zeitschrift für Angewandte Linguistik. H. 35. – Frankfurt a. M., 2001.

ZfAL 04 – Zeitschrift für Angewandte Linguistik. H. 41. – Frankfurt a. M., 2004.

ZfK – Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikation. Bd. 41. H. 6. – Berlin, 1988.

ZfS – Zeitschrift für Semiotik. Bd. 21. H. 1, 2. – Tübingen, 1999.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова Л. В.* Риторический прием автоинтерпретации как средство организации дискурса (на материале английской научной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – С. 12–13.
2. *Варгина Е. И.* Научный текст и его воздействие (на материале английского языка). – СПб., 2004. – С. 143.
3. *Карманова З. Я.* Интенциональная сущность риторической организации научно-технических текстов // Понимание менталитета и текста. – Тверь, 1995. – С. 173.
4. *Марченко О. Н.* Риторика как феномен культуры: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – СПб., 2001. – С. 25.
5. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. – М., 1999. – С. 197.
6. *Чаковская М. С.* Взаимодействие стилей научной и художественной литературы (на материале германских языков). – М., 1990. – С. 12.
7. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб., 1998. – С. 78.